

Рита Лурье

Ничего святого

«Литнет»

2026

Лурье Р.

Ничего святого / Р. Лурье — «Литнет», 2026

Сумасбродный ангел Люси должна помочь подопечной выйти замуж, но ей мешает коварный демон Белтарион, посланный на Землю с собственной миссией. Библиотекарша Элеонор Бишоп не верит ни в любовь, ни в брак — и, похоже, так и останется одна, если не вмешаются высшие силы. Ангел Люси находит для неё «идеального мужчину» — недавно разведённого преподавателя литературы Джулиана Беннета. Но всё, конечно, идёт не по плану. Джулиана преследуют студентки, бывшая жена решает вернуться, а пасынок сбегает из дома. И за всем этим стоит демон Белтарион, которому нравится играть с человеческими судьбами. Другие ангелы и демоны тоже не остаются в стороне — и неразбериха только растёт. А главное — у самой Люси появляются собственные чувства. Вот только к кому?

© Лурье Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Рай.	5
Ад.	8
1. Джулиан.	11
2. Элеонор.	14
3. Люси.	17
4. Себастьян.	20
5. Джулиан.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Рай.

Если вы думаете, что в рай попадают только праведники и святоши, по-настоящему заслуживающие жизни Вечной, – вы глубоко заблуждаетесь. Здесь хватает сомнительных личностей, коих я лучше сослала бы куда-то ещё, например, в сумасшедший дом.

С глаз подальше.

В эдакий санаторий с безлимитными пилюльками от бед с башкой, и пусть никто не уйдёт обиженным. И пусть летают себе над гнездом кукушки, а не болтаются здесь.

Кстати, я тоже далеко не праведница и не святоша, но по некой причине Небесная Канцелярия сочла меня достойной кандидатурой для обитания в райских кущах, чтобы это ни значило.

Всего-то нужно было стать невинно убиенной жертвой чокнутых пуритан, отправивших меня на виселицу за рыжие волосы и длинный язык...

По распространённому мнению ведьмам не место в раю, но я и не ведьма.

Просто оказалась не в том месте, не в то время.

Да и про пуритан я вам всё наплела. По правде говоря, всё куда прозаичнее, и на виселицу меня никто не отправлял. Я попала под колёса кареты скорой помощи, мчавшейся на красный свет на срочный вызов.

Словом, никакой увлекательной предыстории про искупление или самопожертвование. Мне крупно повезло, что на тот момент я была девственницей и ещё толком не успела нагрешить. Вообще не грешила! Никогда-никогда не воровала жвачку на кассе в супермаркете, а дорогу переходила в правильном месте... и бац!

Всего-то нелепая случайность и, как следствие, нелепая вечная жизнь.

Впрочем, я думаю, *он* сильно жалеют, что взяли меня сюда.

Я считываю это с просветлённой физиономии Ангела, как там бишь его, главного по «воспитательной части». Мы с ним довольно хорошо знакомы, опять же, благодаря тому, что я часто бываю в его «кабинете». Кабинет, чтобы вы понимали, подразумевает стол и кресло, парящие среди облаков. Ни стен тебе, ни окна с видом на Манхеттен, такой вот «загончик для молодняка». Даже диплом небесного Гарварда или фотки любимой собаки повесить негде.

Зато видно всё на мили вокруг.

Этот Ангел стар, и, наверное, застал ещё Вселенский потоп и закат Римской империи. Но его не спросишь, он не сильно-то разговорчив. И только ангельское терпение позволяет ему не надавать мне ремнём по ляжкам за «всё хорошее», как частенько делала моя мать.

Ну и отсутствие ремня.

Его белоснежные одеяния подпоясаны золотым шнуром, сотканным из звёздного света или подобной божественной ерунды.

– Люси Уайт, – нараспев произносит он, глядя на меня поверх свитка, что держит перед лицом.

– Она самая, – подтверждаю я и приседаю в шутилом реверансе. Я зря стараюсь: его не трогает моя демонстрация учтивых манер. Ладно, *чего-то* отдалённо напоминающего учтивые манеры.

Вообще-то, я тоже его недолюбиваю. Он всё время читает мне нотации и угрожает, что меня сошлют обратно на Землю, чтобы я родилась сотым ребёнком в нищей семье в стране третьего мира, дождевым червяком или лабораторной мышкой.

Конечно, это пустые угрозы, но, согласитесь, всё равно пренеприятно.

Пока он молча сверлит мне дыру во лбу своим пристальным взглядом, я размышляю, как бы стянуть с его стола парочку свитков. Я прикидываю, если сделать из них бумажные самолётики и запустить вниз, долетят ли они до Земли? Перед этим их нужно будет испещрить

какими-нибудь таинственными посланиями. Я писала бы их десяток-другой лет, и мне не было бы так *чертовски* скучно, как сейчас.

Упс.

Ангел осуждающе качает головой.

Я прижимаю ладонь ко рту и легонько хлопаю себя по губам. Я этого не говорила, но здесь достаточно просто подумать.

Скажу в своё оправдание, что я умерла слишком молодой. Мне едва исполнилось восемнадцать, и в тот роковой день я как раз планировала пойти на вечеринку, чтобы попробовать всё то, за что меня заклеили бы пропащей грешницей.

– Это недопустимо, – бормочет Ангел себе под нос, – твоё поведение – недопустимо! Ты украла трирегнум папы Римского, чтобы собирать яблоки...

– Одолжила! – вставляю я.

– Не важно! – возмущённо перебивает Ангел и продолжает перечислять, загибая пальцы. – Своими неуместными вопросами ты отвлекала Махатму Ганди от медитации во благо всех живых существ...

– Но он же индуист! – в искреннем недоумении восклицаю я. – Я думала, что сюда попадают только христиане и иудеи, а у *этих* какой-то свой рай с пляшущими Шивами, Вишну и болливудской подтанцовкой...

– Юная леди, – Ангел встаёт, что значит – мне пора прикрыть свою хлебoreзку от греха подальше. Вернее – чтобы не доводить его до греха. А то это бедняжке старому Ангелу придётся переродиться сотым ребёнком в стране третьего мира. За моё убийство. Я сомневаюсь, что мёртвые могут умереть ещё раз, но не планирую проверять это на собственной шкурке.

– Ладно, простите, – сконфужено бормочу я, напустив на себя самый невинный вид из всех возможных.

Он трясёт свитком перед моим лицом.

– Это, – говорит он, – перечень твоих проступков, а ты не провела на Небесах и сотни лет!

– Я исправлюсь, – обещаю я, сложив руки в молитвенном жесте, – правда-правда!

– Нет, – говорит он.

– Нет? – повторяю я.

– Мы больше не намерены это терпеть, – продолжает Ангел, и его ангельские ноздри гневно раздуваются. – Ты умерла невинной, но твоя душа насквозь порочна! Твоё место в Аду!

«Ну... там хотя бы компания поинтереснее», – думаю я, но прогоняю эту мысль.

Какая разница, интересная компания или нет, если собралась она в котле с кипящей серой, а не в джакузи?!

– Нет... – жалобно говорю я.

– Мы дадим тебе последний шанс, – говорит Ангел, – проявить себя. Не справишься...

– Да-да, конечно! – оживляюсь я.

– ...ты снизойдёшь на Землю, – продолжает он, – чтобы помочь...

– Ого! – восхищаюсь я и принимаюсь тараторить. – Что мне надо будет сделать? Обратить заблудшую душу к свету? Вытащить человека из секты? Или нет... из лап мафиози? Или...

Ангел поднимает руку, призывая меня помолчать хоть минуту и позволить ему закончить предложение.

– Помочь женщине выйти замуж, – говорит он, явно наслаждаясь тем, как от услышанного чахнет мой энтузиазм.

– Эй, я вам не брачный агент! – сердито говорю я. – С каких пор ангелы занимаются такой фигнёй?!

– Юная леди! – осаживает меня он. – До нас донеслись молитвы её любящей тетушки. Она не хочет, чтобы племянница умерла одинокой старой девой среди сорока кошек. Так что

спустить вниз и сделай хоть что-то полезное, если не хочешь угодить в Ад. Поверь мне, *дорогая*, тебе там не понравится.

Он плюхает передо мной на стол толстую папку. Слово «дорогая», исполненное яда тысячи земных гадюк, все ещё эхом звучит у меня в ушах. Я заглядываю в личное дело женщины, чьему счастью мне предстоит поспособствовать:

«Элеонор Бишоп, 29 лет, библиотекарь в Эшвордском колледже...»

Никогда о таком не слышала!

В следующий момент земля, вернее, облако над которым я парила, расступается в стороны, и я падаю вниз.

Вот и доигралась ты, Люси!

Ад.

Если вы представляете себе Ад как бесконечную вечеринку с мёртвыми рокерами и кинозвёздами, не раскатывайте губу. Если ваша бурная фантазия рисует кипящие котлы с серой, реки лавы, горы дерьма, Гитлера, приговорённого вечно вкушать хумус под «Хава нагилу», или Теда Банди, насаженного на кол, – у меня для вас скверные новости:

Ад – в сущности крайне скучное место.

А всё потому, что мы не так старомодны, как вы думаете, и провели сюда интернет, чтобы облегчить себе работу.

Помните ту сцену из «Заводного апельсина», где Алекс смотрит бесконечный видеоряд под «Оду к радости»? Замените сцены экстремального ультранасилия на «ТикТок», а музыку Бетховена на тупые трендовые мелодии – и выйдет самая изощрённая пытка.

Грешники мучаются, а мы, демоны, умираем со скуки.

Такова цена прогресса.

Конечно, никто не запрещает нам пройтись разок-другой мимо рядов несчастных, прикованных к экранам, и отходить их плетью с шипами, но прежнего удовольствия это уже не приносит. Им и так приходится несладко.

Признаться, даже мне немного жаль этих бедолаг.

Они не кричат и не молят о пощаде, впад в оцепенение под шквалом бессвязного бреда, накатывающего на них двадцать четыре на семь. Триста шестьдесят пять дней в году. За годом год. За веком век. И так – на протяжении целой Вечности.

Подборка бьюти-блогов для графини Елизаветы Батори. Теории заговора от доморощенных историков для Иосифа Сталина. Танцующие и кривляющиеся дети для Луиса Гаравито, которых он никогда не сможет убить, но вынужден постоянно зреть перед собой. И далее по списку.

Короче, не советую вам попадать в Ад.

Такая вот антиреклама.

В Раю, надо думать, и то веселее, хоть там они все жуткие снобы и зануды. Порхают по облакам, слушают звуки арфы, рассуждают о высоком... и никакого «ТикТока».

Просто мечта!

Древние римляне вывели постулат: «Никто не несёт наказания за мысли», но в наших реалиях это не работает. На минуточку, мы – специалисты по всяческим наказаниям, готовые от души всыпать и за действия, и за помыслы.

Оттого я с особым усердием размышляю о плюсах жизни «наверху» и это, конечно, не остаётся без внимания Управителя.

Он вызывает меня к себе, чего я, собственно, и добивался.

Пересекая бесконечный коридор старого кафкианского Ада, я испытываю тёплые чувства, сродни ностальгии. В былые времена здесь царило истинное вавилонское столпотворение из грешников, которых мы обязывали до скончания веков ставить печати на бесчисленных бланках в нескончаемых кабинетах с ворчливыми демонами-бюрократами.

Ныне у них другие «развлечения», и коридор совсем опустел.

Лязг металлических шпор на моих сапогах одиноко разносится в тишине, перекликаясь с далёким плачем Наполеона, утомившегося смотреть псевдонаучный канал, посвящённый военной форме и амуниции его армии.

Я стучу в дверь, прежде чем войти, зная, что Распорядителю это не по вкусу.

– Что ещё за грёбаная вежливость? – рявкает он. – Не тяни кота за яйца, Белтарион!

Для пушшего эффекта я ещё и отвешиваю ему поклон, при этом делая жест, словно снимаю невидимую шляпу. Шляпа – стильный аксессуар, но не когда приходится проделывать в тулье дырки для рогов, чтобы головной убор не стоял торчком.

Безусловно, я горжусь своими рогами – чёрными и элегантными, но и от шляпы бы не отказался. Шляпы носят гангстеры и нуарные детективы.

Короче, крутые парни.

– Прошу прощения, Господин, – говорю я, чтобы ещё больше разозлить Распорядителя.

Его жёлтые глаза наливаются кровью, а рот приоткрывается, обнажая иглоподобные зубы. Он страшен в гневе, да и в обычном состоянии этого демона трудно назвать писанным красавцем.

Крокодилья рожа, свиные уши, олени рога – словом, совсем не Райан Гослинг.

Он слышит, о чём я думаю, и грозит мне пальцем. Я присаживаюсь на неудобный стул для посетителей. Он спроектирован так, чтобы в любом положении доставлять гостю максимальный дискомфорт, как не пытайся уместить задницу на жёстком сидении.

На пиках и то удобнее, скажу я вам.

– Ты совсем отбился от рук, Белтарион, – принимается частить меня Распорядитель, – проявляешь вежливость, сострадаешь грешникам, размышляешь о плюсах жизни в Раю... Знаешь, что бывает с теми, кто проявляет непослушание?

– Их наказывают? – оживляюсь я и взволнованно ёрзаю на треклятом стуле. – Что вы приготовили для меня? Дыбу? Кровопускание? Костёр? Сотню ударов плетью? – пожалуй, я веду себя, как послушный ребёнок, который увидел под ёлкой подарок, по форме напоминающий долгожданный новый велосипед. С той лишь разницей, что я никогда не был ни ребёнком, ни тем более *послушным*, да и велосипед мне не сдался.

А вот дыба...

Я мечтательно закатываю глаза и провожу раздвоенным языком по губам.

– Разбежался, – осаживает меня Распорядитель, – и хуже всего, что ты критикуешь наши инновационные методы!

– Но ваши методы – полное дерьмо! – обиженно восклицаю я и напоминаю: – Я – демон! Моя работа снимать кожу, выдирать ногти, расчленять, четвертовать... а не наблюдать, как грешники страдают сами по себе без моего участия! Где это видано, Господин? Недавно доктор Йозеф Менгеле сам умолял меня посадить его в котёл, лишь бы только не смотреть передачу этого безумного русского Малахова!

Улыбка Распорядителя из угрожающей становится удовлетворённой, а на жуткой физиономии появляется зловещее ликование. Кажется, он вот-вот заурчит, как огромный кот.

– Так ведь работает же! – провозглашает он, ткнув в мою сторону пальцем. – А вы, консерваторы, недооценивали силу интернета! Хочешь испытать на себе, Белтарион?

Он прищуривается, размышляя.

– Дай-ка подумать, что тебе подойдёт, – тянет он, поглаживая свой округлый живот, – быть может, триста часов шоу семьи Кардашьян? Или пятьсот дней танцевальных челленджей «ТикТока»? Ты ведь любишь страдания?

– Нет, пожалуйста! – вырывается у меня.

– «Пожалуйста», – со смешком повторяет Распорядитель.

– Что угодно, только не это, – уже спокойнее добавляю я, – виселица, «железная дева», «Испанский сапожок»...

Он перегибается через стол и смотрит на мою обувь.

– А ну-ка, – говорит он, – давай *их* сюда. Они мне давно приглянулись, да и надоело слушать, как ты цокаешь по коридору, как какая-то дешёвая шлюха.

«Прощайте, сапожки...» – мысленно сокрушаюсь я.

В действительности я понимаю, что он и сам не прочь «цокать по коридору, как какая-то дешёвая шлюха». Позарился на самое дорогое! Ковбойские сапоги из человеческой кожи – предмет моей гордости. Когда-то их шпоры оставили немало причудливых шрамов на телах грешников, о чём теперь грустно вспоминать.

Ни увлекательных пыток тебе, ни красивых сапог.

Утрись, Белтарион.

Ад уже не тот!

Распорядитель, кряхтя, примеряет мои драгоценные сапоги на свои короткие пороссячи ножки и вытягивает их, любуясь, как сидят. Мне до смерти хочется плюнуть в его довольную харю.

Я стыдливо прячу свои оголившиеся слишком человеческие ноги под стул. Не всем демонам везёт иметь копыта.

Увы, я не один из этих счастливиц.

Рога, клыки, тёмно-лиловая кожа, жёлтые глаза, хвост с кисточкой – всё «по уставу», но ступни никуда не годятся.

– Они тебе всё равно не понадобятся там, куда ты отправишься, – «утешает» Распорядитель, не отрывая сладострастного взгляда от сапог.

– А куда я отправлюсь? – настораживаюсь я.

– На Землю, – будничным тоном говорит он, – выполнять задание.

– Задание, – тупо повторяю я.

Распорядитель наконец изволит оторваться от созерцания своего приобретения и посмотреть на меня.

– Как ты верно заметил, в твоих услугах здесь больше нет нужды, – с колючей улыбкой говорит он, – а меня категорически не устраивает твой образ мысли. Моя идея использовать интернет – гениальна! Прискорбно, что ты этого не понимаешь, Белтарион. Теперь тебе придётся постараться, чтобы вернуть моё расположение.

– Эм... ладно, – соглашаюсь я, – что нужно сделать? Устроить геноцид? Подтасовать результаты выборов? Украсть конфету у ребёнка?

– Разбежался, – фыркает Распорядитель, – всего-то склонить одну душу «на тёмную сторону».

– Одну? – недоверчиво переспрашиваю я. – Там что, назревает новый диктатор?

– Не-а, – качает головой босс, – всего-то писатель. Но он может засрать куда больше мозгов, чем любой диктатор. Если, конечно, ты постараться на славу.

«Скука! Кто вообще сейчас читает книги?!», – задумываюсь я, огромным усилием воли подавляя зевоту. На самом деле я ничего не имею против небольшой «командировки». «Наверху» и то веселее, чем с недавних пор стало в Аду стараниями Распорядителя.

– Будет исполнено, – бодро заверяю я, отсалютовав боссу ладонью.

– Провалишься, останешься на Земле навсегда! – предостерегает он.

Распорядитель протягивает мне толстую чёрную папку. Я вчитываюсь в материалы личного дела, но не нахожу там ничего особо достойного внимания:

«Джулиан Беннет, 39 лет, безработный...»

В следующий момент земля над нами с рёвом раздвигается в стороны, и меня утягивает вверх. Только в эту минуту я осознаю, как серьёзно влип: командировка – одно, но застрять среди смертных – сомнительная перспектива.

Лучше бы ты согласился на пытку «ТикТоком», Белтарион!

1. Джулиан.

Я ещё никогда не чувствовал себя настолько неудачником, как сейчас.

Просто представьте: ваша несносная бывшая жена обрывает вам телефон, пока батарея не разряжается в ноль, вы – посреди шоссе, окружённого глухим лесом, где-то в штате Мэн, и зарядного устройства под рукой, конечно же, нет. Плюс ко всему идёт проливной дождь, потому что погода здесь – дерьмо собачье, простите великодушно мой французский.

И пока я роюсь в багажнике в поисках зарядки, проезжающий мимо автомобиль окатывает меня грязью из лужи с головы до ног.

Спасибо, приятель!

Этот день не мог стать ещё хуже, но стал: через час мне нужно быть на месте и встретиться со своим новым работодателем.

Стоит ли уточнять, что на мне – последний и единственный мой приличный костюм?

У меня в целом не так уж много вещей, ведь я, вроде как, начинаю жизнь заново.

Я планировал разобраться с бытовыми проблемами, когда доберусь до Эшворда и улажу всё с трудоустройством. Теперь в план приходится добавить новый пункт: заехать на заправку, раздобыть влажные салфетки и привести себя в божеский вид, чтобы не произвести на мистера Кроу такое удручающее впечатление, что он передумает меня нанимать.

Знать бы, где тут заправка...

Эшвордский колледж – не Гарвард, но и там никому не сдался преподаватель, являющийся на встречу с ректором в грязной одежде.

Спасибо, что без перегара и щетины. Покидая мотель, служивший мне домом последние месяцы, я успел принять душ и побриться.

Запишу это в свои достижения.

«И как ты до такого докатился, Джулиан?» – спрашиваю я себя голосом своей матери. Впрочем, для неё это не было загадкой. Она поняла всё, когда я сказал, что женюсь на Ванессе.

Пятнадцать долбанных лет назад!

Мама спросила: «Так это... *та самая* Ванесса?», и в многозначительную паузу запросто можно было уместить всю биографию моей бывшей жены.

– Да будь ты неладна, Ванесса, – бормочу я, когда телефон наконец оживает. Я и не подумаю ей перезванивать! Ей нужно – пусть сама и...

– ДА! – рывкаю я, тут же отвечая на вызов.

На экране – её лощёное лицо, выкроенное заботливыми руками пластических хирургов и доведённое до совершенства трудами косметологов на мои, между прочим, деньги. Пока они у меня ещё водились.

Ванесса категорически не хотела стареть.

Отыскав у себя новую морщинку, она впадала в депрессию и горько плакала, вспоминая, что прежде была королевой школьного бала.

(Уже довольно давно).

Королева школьного бала и тихий ботаник, что всегда сидел в столовой один.

Никто не мог поверить, что мы сошлись, зато все восприняли наш разрыв, как нечто само собой разумеющееся. Особенно мама. Не исключая, что она тайком об этом молилась. Она терпеть не могла Ванессу.

(И правильно делала)

Мама спросила: «Так это... *та самая* Ванесса, в которую ты был *безответно* влюблён в старших классах? Которая над тобой издевалась со своими подружками-стервами?»

Я возразил: «Всё изменилось».

Каким же я был дураком!

– Что тебе нужно? – тороплю я и выруливаю на шоссе, прижимая телефон плечом к уху.
– Где ты? – задаёт Ванесса самый идиотский из всех идиотских вопросов в контексте наших отношений.

– Не знаю, – честно признаюсь я, – еду... куда-то.

– Куда? – связь ловит плохо, и за помехами не разобрать, с каким выражением она это произносит. Впрочем, учитывая, что в последний наш длительный телефонный разговор она орала, как разъярённая дворовая кошка, это – прогресс. Звучит она вполне миролюбиво.

Значит, не попытается отсудить *ещё что-нибудь*.

– Не могу говорить, – я сбрасываю, решив в этот раз закончить беседу на «позитивной ноте».

Не успеваю я убрать телефон, как он вновь оживает, но на сей раз моей скромной персоной интересуется мистер Кроу, хотя я пока не опаздываю. Я выехал заранее, словно предчувствуя, что не доберусь до Эшворда без «приключений».

– Добрый день, мистер Беннет, – вежливо приветствует он.

– Добрый, – откликаюсь я, ничуть не согласный с этим утверждением. Смотри пункт выше – грязный костюм, да и звонок бывшей жены изрядно подпортил мне настроение. Ванесса не позвонила бы просто так. Ей что-то от меня нужно, и, готов дать руку на отсечение, что-то вполне материальное.

Едва ли она раскаялась и хочет меня вернуть.

Мечтай, недоумок.

– Вы не заблудились? – любопытствует мистер Кроу. – Быть может, выслать кого-то за вами?

Кого-то – это кого? Его дворецкого? Он просто обязан иметься у типа с такой фамилией в его викторианском особняке, а ещё горничная, кухарка, конюх и далее по списку.

«Ого, – мысленно восхищаюсь я, – какая честь! Неужели мистеру Кар-кар так необходим преподаватель литературы?!»

– Нет, спасибо, – выдавливаю я, – всё хорошо. Я скоро буду.

– Вы не слишком устанете с дороги? – продолжает мистер Кроу. – Я ничего не имею против того, чтобы отложить встречу...

– Всё нормально, – заверяю я.

Дворники сталкивают с лобового стекла волну воды, и я замечаю белое пятно, маячащее возле шоссе, будто привидение. Приблизившись, я вижу, что это – девушка. Её белоснежное платье промокло до нитки, как и рыжие волосы, облепившие голову на манер шлема. Она прохаживается вдоль трассы, выставив руку, и, кажется, уже отчаялась поймать попутку, что весьма странно: она сразу привлекает внимание.

«Не вздумай, – говорю я себе, – ты уже доигрался в рыцаря, спасающего деву в беде...»

На мгновение перед моим внутренним взором возникает другая картинка – не пустынное шоссе в дождливый день, а заснеженная парковка возле круглосуточного супермаркета. Разрумянившаяся от мороза Ванесса; облачка пара, вырывающиеся из её обветренных губ; шапка, сбившаяся набекрень...

Я прогоняю образ и всё-таки торможу подле неудачливой путешественницы. Не стоит исключать, что бедняжка действительно попала в серьёзные неприятности – например, сбежала из дома. Это объяснило бы, почему у неё с собой ничего – ни сумки, ни рюкзака, ни тёплой одежды.

– У вас всё окей? – спрашиваю я, опустив стекло с её стороны. Незнакомка просовывается в окно и одаривает меня очаровательно-неловкой улыбкой.

– Ой... ну я бы так не сказала, – говорит она, – а вы едете в город?

«Город» – понятие растяжимое.

– Да, – подтверждаю я, – в Эшворд. Вас подбросить?

Вместо ответа она забирается в салон, моментально устроив внутри настоящий вселенский потоп. Вода льётся с неё ручьями, и девушка по-собачьи трясёт головой, раскидывая всюду капли.

Я морщусь, когда влага долетает и до меня.

Однако не похоже, чтобы девушка замёрзла или испытывала хоть какой-то дискомфорт, проторчав под дождём неизвестное количество времени. Она кажется необъяснимо-счастливой, разглядывая кнопки на приборной панели и экран магнитолы.

У меня закрадывается нехорошее предположение, что у неё не все дома. Наверное, где-то в окрестных лесах расположена лечебница для душевнобольных, откуда она и сбежала.

– А вы... э... – я мямлю, путаясь в словах, чтобы ненароком её не обидеть, – не боитесь садиться в машину к незнакомцу?

– Так давайте познакомимся! – бодро говорит девушка и протягивает мне узкую ладонь.
– Я – Люси!

– Джулиан, – откликаюсь я, но её руку не пожимаю – не хватало ещё потерять управление и прикончить нас обоих, слетев в кювет. – Вдруг я – маньяк?

– А вы – маньяк? – всё также игриво интересуется Люси.

– Хуже, – напустив в голос трагического пафоса, говорю я, – профессор литературы. Еду в Эшвордский колледж.

Я предпочитаю не вдаваться в подробности, что это – не основная моя деятельность, а что-то типа прикрытия, но случайным попутчикам как-то не принято сходу рассказывать про свою «двойную жизнь».

Или именно *ими* стоит исповедоваться в таких вещах?

– О, Эшвордский колледж, – радостно восклицает Люси, – туда-то мне и нужно!

Безусловно, Люси – странная девушка, но, нужно отдать ей должное, очень хорошенькая. С хорошенькой девушкой я уже не чувствую себя таким недотёпой. Есть шанс, что Люси принесёт мне удачу.

Или окажется какой-нибудь психопаткой.

Одно из двух.

2. Элеонор.

Я люблю тётю Бернадетт больше всего на свете, она – мой самый (и единственный, будем честны) близкий человек, но это не отменяет того, что временами мне нестерпимо хочется её убить.

На дворе сентябрь, и я могу вернуться в колледж, но тетушка умудряется феерически изгадить последний день у неё в гостях. Изгадить – не то слово.

Да, она хочет мне только добра, но благими намерениями выстелена дорога известно куда.

В тюрьму.

А мне не улыбается перспектива угодить туда за убийство в состоянии аффекта.

Так вот в чём дело: спустившись на кухню, я вижу ЕГО.

(Его – особь мужского пола вида *homo sapiens*, но последнее пока вызывает сомнения).

Кем бы ни была жертва моей тетушки-паучихи, в паутину она угодила не без причины. Тётина цель – камень преткновения между нами, ложка дёгтя, что портит ту прекрасную бочку с мёдом, которой является наше совместное времяпровождение.

Я застываю и, подпирая плечом дверной косяк, разглядываю нашего *гостя*.

Представляю, как я выгляжу – пижама с медвежатами, которую тётушка подарила мне, упрямо игнорируя тот факт, что я уже давно не ребёнок, всклокоченные со сна волосы, помятая физиономия, глаза, красные из-за чтения в темноте.

Но и мой потенциальный жених совсем не Аллен Делон: его кожа напоминает пасхальный кекс, на котором вместо присыпки прыщи, нос жирно лоснится, волосы цвета детской отрыжки зализаны тонной укладочного средства, но всё это меркнет рядом с эмблемой на его футболке:

Гарвард.

Оппо-петушиному выпячивает грудь и улыбается мне зубами, кривыми, как отвесные скалы на берегах какой-нибудь Шотландии или Норвегии. Вместо вереска на утёсах обильно произрастает кариес. Я не была ни там, ни там, но примерно так их себе представляю.

Тётя Бернадетт считывает сопливый восторг с лица гостя и понимает, что его так обрадовало: явление моей скромной персоны на сцену.

Занавес поднят!

Представление начинается.

– Милая, – чирикает тётя, приобнимая меня за плечи, чтобы подвести к «суженому», – пока ты спала, я поехала в супермаркет и познакомилась с Джонни. Такой славный молодой человек, образованный! Он любезно помог мне донести пакеты до дома и согласился остаться на чай.

– Здорово, – бормочу я, вырываясь из её цепких лапок.

Я бросаюсь к кофейнику, надеясь, что найду в нём яд. Этим утром я не прочь побыть госпожой Бовари или Гертрудой. Кем угодно, лишь бы не собой, захлёбывающейся в океане неловкости и беспомощной злобы.

– Это моя племянница, Элеонор, – обращается тётя уже к Джонни, – я о ней рассказывала...

Я жимаю голову в плечи, остерегаясь услышать продолжение. Остывший кофе стекает по моему горлу, и я мысленно умоляю напиток не взбодрить меня, а избавить от страданий.

Джонни молчит.

Есть крошечный шанс, что он глухонемой. В таком случае я бы даже рассмотрела его в качестве потенциального кандидата в свои мужья, но я на это не сильно рассчитываю.

– Она просто ещё не проснулась, – оправдывается тётя за отсутствие энтузиазма с моей стороны. – Элеонор очень умная девушка, она много читает по ночам, работает над своей диссертацией...

«За что!? – стенаю я про себя, – где я так нагрешила!?»

– ... и преподаёт в Эшвордском колледже, тут неподалёку, – добавляет тётя Бернадетт, вбивая последний гвоздь в крышку моего гроба.

– Я что-то о нём слышал, – басит Джонни.

К моему величайшему огорчению он умеет разговаривать.

– Ой! – восклицает тётя Бернадетт. – Совсем забыла, что забыла выключить утюг. Пойду посмотрю, как он там...

Не обманывайтесь: ничего она не забывала, просто ищет повод оставить нас наедине, чтобы мы с Джонни потолковали о делах «умных молодых людей». Именно этого я и остерегаюсь. Не столько личной беседы с каким-то малоприятным типом, сколько расспросов о своей «диссертации».

Тетушка уплывает.

Я поворачиваюсь к Джонни.

Он глядит на меня без какого-либо выражения. Должно быть, он слегка разочарован. Слегка – разительное преуменьшение правды. Не иначе тётя обещала ему Елену Троянскую, а здесь только я – неудачница Элеонор Бишоп с птичьим гнездом на голове и дурацкой пижамой, скрывающей тело, как фланелевый доспех. Впрочем, и без того очевидно, что под плотной тканью не прячутся силиконовые буфера порно-звезды.

А ещё я – неприветливая маленькая злюка.

Вот с этого и стоило начинать.

– Какая у тебя специальность? – выдавливаю я.

Я пытаюсь, честно. Я люблю свою тётю. В ином случае я бы уже давно вышвырнула это прыщавое недоразумение вон из тётушкиного дома.

– Э? – переспрашивает он. Высказывание Джонни донельзя лаконично, а интонация вопросительная, потому я и считываю это блеяние за вопрос.

– Что ты изучал в Гарварде, – поясняю я. Типа мне очень интересно. Несомненно, тётя поставила на то, что как сапиосексуал я куплюсь на мозговитого парня. Мы сто раз это проходили. Беда в том, что у нас с тётей разные представления об интеллекте. Мои требования высоки, а она довольствуется прожиточным минимумом.

– А... э... ой, – лепечет Джонни, – я не учился в Гарварде, просто купил эту футболку в секонд-хенде.

Блеск.

Зато честно.

– Ты нигде не учился? – уже жёстче спрашиваю я. Я предельно близка к тому, чтобы вылить остатки кофе ему на голову, чтобы смыть этот мерзкий гель для укладки. Он лежит таким плотным слоем, что волосы блестят, как бильярдный шар.

– Учился, – заверяет Джонни, – в школе. Ну и в колледже...

– В колледже, – повторяю я.

– В Эшворде, – говорит он, – но я не...

Чёрная кофейная клякса расплзается по надписи «Гарвард». Я делаю виноватое лицо, хотя мне нисколько не жаль. Это вышло случайно, клянусь.

– ...не доучился.

– Упс, извиняюсь.

Мы говорим это одновременно, а дальше я обращаюсь в бесславное бегство.

Тётушка не просто пригласила в дом какое-то ничтожество, чьим единственным достоинством является наличие Y-хромосомы, а бомбу, что вот-вот рванёт! Мне крупно повезло, что тётя смылась и не застала эту нелепую сцену.

Наспех одевшись и покидав в сумку немногочисленные пожитки, я ищу тётушку Бернадетт. Наверху её нет. Утюг её не интересует. Она возится с растениями в палисаднике, не смотря на плохую погоду. Завидев меня, она откладывает инструменты и стягивает перчатки в милый цветочек.

– Куда это ты собралась, Элли? – спрашивает она. Я морщусь от сокращённой формы имени, которую я готова простить только тёте Бернадетт. Она меня вырастила и застала времена, когда употребление сокращения было уместным.

Элли – маленькая девочка, игравшая в этом саду и прятаясь в закоулках дома, но женщина, что пишет диссертацию и преподаёт в колледже – Элеонор.

И никак иначе.

– Мне позвонили из колледжа, – нагло вру я, – сказали приехать пораньше. У нас методическое совещание.

Я никогда не была на «методических совещаниях» и имею о них весьма расплывчатое представление, но звучит солидно. Тётя, далёкая от превратностей академической жизни, обязана проникнуться уважением.

– Как жаль, – вздыхает она, – а как же... Джонни?

Джонни!

Джонни уже ушёл. Выходка с кофе непрозрачно намекнула ему, что от меня лучше держаться подальше подобру-поздорову. Учился он в Гарварде или нет, это ничего не меняет.

– Сказал, что ему пора, – сообщаю я. Пусть тётя думает, что это я ему не понравилась и не оправдала ожиданий.

Пятого размера груди, без которого диссертацию не напишешь.

– Ну вот... – горько вздыхает тётя Бернадетт, – я снова останусь совсем одна.

Удар ниже пояса. Я тут же чувствую себя виноватой, гнусной, неблагодарной девицей. Тётушка отдала мне свои лучшие годы (неправда, ей всё равно нечем было заняться после смерти дяди Самюэля), вложила в меня столько любви и финансов, а я!

Мне хочется провалиться под землю.

– Я буду приезжать, – обещаю я, прекрасно зная, что это ложь, за которую я сгорю в аду. К счастью, в отличие от тёти, я не верю в ад, рай, святых, грешников и прочее тому подобное.

Возможно, зря.

И Господь, которому тётушка Бернадетт возносит мольбы, всё-таки существует. Кажется, я ему не нравлюсь.

Небо затягивает хмурыми тучами, и шоссе исчезает за стеной дождя. Дворники не справляются с потоками воды, льющимися с разгневанных небес.

Но это ещё не всё:

Моя колымага, доставшаяся мне в наследство от дяди Самюэля, глохнет посреди шоссе.

А ведь этого бы не случилось, если бы я не сбежала от тёти в такой спешке. Я могла бы сидеть с ней в гостиной, попивая чай, и слушать, как капли дождя барабанят по крыше. В камине уютно потрескивал бы огонь, а тётины пальцы порхали бы над вышивкой с очередным котёнком.

Я со злости ударяю по рулю, выскакиваю под дождь и открываю капот. Увы, я ничего не смыслю в машинах. Я не получала в колледже инженерную или какую-либо ещё специальность. Я не пишу диссертацию.

Я бессовестная лгуня.

Прости меня, тётя.

Прости меня, Бог.

3. Люси.

Со стороны всех этих ангелов, что просиживают свои блистательные ангельские штаны *наверху*, было бы славно оснастить меня в дорогу чем-то полезным, но, судя по всему, спихнуть меня вниз с голой задницей – своего рода наказание за все мои проделки.

Я битый час толкалась на шоссе, а машины проносились мимо, пока не нашёлся хоть один добрый самаритянин. Остальные, надо думать, считали меня привидением. Я слышала страшилки о неуспокоенных духах, что блуждают вдоль трасс возле мест, где погибли.

Признаться, я обожала, что слушать, что изобретать такие небылицы. Каждый Хеллоуин развлекала своими байками малышню, и мне не раз говорили, что у меня непревзойдённый дар рассказчика.

Чаще всего это была мама, когда я плела на ходу, сочиняя оправдание очередному проступку.

Мне становится грустно при мысли о ней.

Я гадаю, что с ней стало после моей скоропостижной кончины? Какой сейчас вообще год? Я представилась в двух тысяча четвёртом, но спрашивать о дате у своего спутника как-то неловко. Он точно решит, что я сумасшедшая. Только сумасшедшие и путешественники во времени задают людям такие вопросы.

Должно быть, минуло много лет, и мир вокруг сильно изменился, как и технологии.

Я сразу догадалась, что плоская штука, приделанная к лобовому стеклу – сотовый телефон, хотя раньше они выглядели иначе. «Штука» начинает звонить, подтверждая мои предположения. На экране возникает женское лицо и подпись: *Ванесса*.

Эта Ванесса мне не нравится.

Какого чёрта она звонит *моему* странствующему рыцарю?

Он, конечно, не мой, но у меня есть на него определённые планы. Я полагаю, что Джулиан по всем параметрам подойдёт для моей подопечной Элеонор:

Он уже не прыщавый юнец, но и не дряхлый дед. Словом, золотая середина, когда мужчина в «самом соку». Парочка седых прядей на висках и очки придают ему интеллигентности (самое то для библиотечарши!). Симпатичный, но не смазливый. Голубые глаза – это плюс, какая девушка перед ними устоит? Шевелюра густая и без залысин. Не толстый и не слишком худой. Наличие восьми кубиков пресса пока остаётся невыясненным.

Что ещё?

Вежливый, спасает дев в беде, есть своя машина (в своё время это бы меня сразу подкупило!), образованный... и, точно! Самое главное: преподаёт в колледже, в том самом, где работает Элеонор.

Все звёзды сошлись!

Но есть одно жирное «но»...

Экран телефона меркнет и через пару минут загорается вновь. Ванесса, кем бы она ни была, очень упрямая. И, кажется, Джулиан тоже от неё не в восторге. Он сбрасывает её портрет, и на его месте вновь появляется карта с точкой, движущейся по прямой линии. Точка – это мы, а линия, надо думать, шоссе.

– Там сзади есть плед, – говорит Джулиан, – если вы замёрзли.

Скорее всего, он хочет отвлечь меня от приставучей Ванессы, ибо она снова принимается ему названивать. Я послушно лезу назад и завладеваю пледом. И хоть я не замёрзла, но всё же набрасываю его на плечи, чтобы не обижать Джулиана.

Мысленно добавляю в список его достоинств новый пункт – он заботливый.

Элеонор обязана это оценить!

– Да что ж такое, – бормочет Джулиан, выдёргивает телефон из крепления и швыряет на приборную панель. Какое-то время он смотрит на дорогу, мутную из-за дождя, а потом косит на меня глаза и жалуется: – Это моя бывшая жена. Не представляю, что ей так срочно от меня понадобилось.

«Бывшая», – подмечаю я, испытываю заметное облегчение от этой детали.

– Почему вы расстались? – вырывается у меня. Я никогда не могла удержать своего любопытства, хотя мама неустанно твердила мне, что это невежливо.

– У неё сложный характер, – с грустным смешком говорит Джулиан.

– А... – понимающе тяну я, – она стерва.

«Ничего-ничего, – думаю я, – скоро мы приедем в Эшворд, где тебя ждёт замечательная Элеонор, которая, наверное, настоящий *ангел*».

По правде мне не очень-то в это верится, ведь хорошая девушка давно нашла бы себе мужа, а не пряталась от любви среди книжных полок. Хорошая девушка улыбалась бы на фото в личном деле, а не взидала в камеру так, будто хочет плюнуть фотографу в глаз. Хорошая девушка не носила бы уродливый кардиган и огромные очки. Они больше подошли бы сварливой старухе, а не юной особе. Ей двадцать девять, а не сто девяносто!

Но внешность бывает обманчива, да?

Надеюсь на это.

Шанс развеять предубеждения на счёт Элеонор представляется мне куда раньше, чем я ожидала. Я вижу её – не какое-то там видение, а реальную Элеонор Бишоп, голосующую на шоссе, как совсем недавно делала я.

– Тормозите! – требую я.

Джулиан хмурится.

– Извините, Люси, но я тороплюсь в город, – отнекивается он.

– Джулиан! – возмущаюсь я. – Разве вы можете бросить девушку в беде!? Вы же подобрали меня! Знаете, как редко тут кто-то останавливается?

С тяжёлым вздохом он выруливает на обочину.

– Это точно девушка? – сомневается Джулиан.

Элеонор невысокого роста, на голову, а то и две ниже меня, но её половую принадлежность непросто определить с этого расстояния: на ней плащ-дождевик с капюшоном, практически полностью скрывающим лицо, а и из-за стены дождя видимость практически нулевая.

Кто-то дождевике маячит у шоссе рядом с безобразной строй машиной.

Но я-то знаю, что это она, моя подопечная!

Мне подсказывает *сердце*. И Джулиан тоже должен почувствовать, что эта девушка – его судьба.

– Ладно, – сдаётся он.

Я радостно хлопаю в ладоши и выпрыгиваю под дождь вслед за ним. Вынуждена признать, что Джулиан не разделяет моего восторга: он плетётся к Элеонор походкой смертника, всходящего на виселицу.

– Вам нужна помощь? – спрашивает он, перебивая дождь и шум автомобилей, проносящихся мимо нас по шоссе.

Элеонор складывает руки на груди. Как-то и она не особенно счастлива видеть своего будущего супруга. Её глаза недоверчиво сужаются за запотевшими стёклами очков.

– У меня заглохла машина, – сообщает она.

Джулиан заглядывает внутрь омерзительной колываги.

– А вы... эм... – с запинкой начинает он, – не пробовали заправлять её бензином?

«Что ты несёшь!?» – паникую я про себя.

– Вас забыла спросить! – оскорблённо говорит Элеонор.

– У вас есть канистра? – невозмутимо продолжает Джулиан, – я могу подбросить вас до авто...

– Не нужно! – пресекает Элеонор.

Она захлопывает капот с таким остервенением, что мне невольно становится жаль несчастный драндулет. Эта девушка – не подарок. Её дальнейшие действия лишь тому доказательство: ладно, Джулиан сморозил глупость, но эта психованная разозлилась так, будто он на её глазах прикончил всю её семью.

И даже золотую рыбку!

Элеонор шмыгает в свою машину и блокирует дверцы, тем самым давая понять, что разговор окончен. Не сдалась ей наша помощь.

Джулиан пожимает плечами и идёт обратно к своему автомобилю.

– Эй! – я вприпрыжку мчусь за ним. – Ты бросишь её здесь?

Он скрывается в салоне. Я тороплюсь занять пассажирское место, пока Джулиан не уехал без меня. Мне нравится дождь, но я вдоволь им насладилась, пока торчала здесь.

Хорошенького понемножку.

– Ну... я же не потащу её силой до ближайшей заправки? – резонно замечает Джулиан, не глядя в мою сторону. – Мне не нужен ещё один судебный иск...

– Судебный иск? – уточняю я.

– Не бери в голову, – отмахивается Джулиан, – я уверен, что кто-нибудь ещё ей поможет. Или случится чудо, и бензин материализуется в баке сам собой.

«Чудо, – сердито повторяю я про себя, – чудо, что вы оба оказались в одном месте и в одно время!»

Джулиан считает иначе.

– У меня важная встреча, – принимается оправдываться он, – я не могу опаздывать.

Я забираюсь с ногами на сидение и заматываюсь в плед, демонстрируя нежелание слушать его отговорки. Я разочарована и крайне недовольна поведением Джулиана.

Какая встреча может быть важнее встречи с любовью всей его жизни!?

4. Себастьян.

Я стою перед зеркалом в помпезной позолоченной раме, и от того, что я там вижу, мне хочется разрыдаться взахлёб.

Конечно, демоны не плачут, но поставьте себя на моё место – врагу не пожелаешь оказаться в шкуре смертного!

Меня всунули в тело какого-то недоумка, заключившего контракт на свою бессмертную душу, словно ногу в ботинок не по размеру.

(Сапоги мои, сапоги!)

Недоумок сейчас смотрит «ТикТок» в Аду, а всё, ради чего он обрёк себя на муки вечные, досталось мне: его особняк с дворецким и штатом прислуги, другая недвижимость, машины, яхты, акции, счета, положение в обществе и прочий бесполезный мусор, который так высоко ценят тупые людишки.

В довесок я унаследовал его тело, и, нужно отдать ему должное, всё могло обстоять куда хуже.

Он, вроде как, не урод по человеческим меркам, но я всё равно буду скучать по своим клыкам, хвосту, жёлтым глазам, фиолетовой коже и прекрасным элегантным рогам.

Никакие шесть с половиной футов роста, густая шевелюра и восемь кубиков пресса мне их не заменят.

«Хватит наматывать сопли на кулак, Белтарион, – тщетно пытаюсь ободрить себя я, – зато теперь у тебя будет сколько угодно сапог!»

Увы, в гардеробной, размером с дрянную квартиру в Нью-Йорке, не имеется и одной пары ковбойских сапог из человеческой кожи, а лишь коллекция классических ботинок в стиле какого-то второсортного мафиози. Ректору заштатного колледжа полагается выглядеть консервативно, хоть колледж этот – дыра, каких поискать, и всем тут, по большей части, плевать на дресс-код.

Сплошная показуха.

В моих интересах разобраться со всем побыстрее, чтобы вернуться домой.

Но сапоги то уже заграбастал Распорядитель...

Вернёт ли он их, если я качественно сделаю свою работу?

Да и в Аду твориться чёрте-что... по возвращению придётся устраивать переворот, а это так утомительно! Я – старый, умудрённый опытом демон, мне не престало заниматься такой ерундой, как и возиться со смертными, будто я – какой-то начинающий бес.

Я удерживаю себя от порыва ещё разок набрать тому неудачнику, которого мне предстоит подвергнуть искушению и склонить на тёмную сторону, но мне неспокойно. На улице такой ливень, что, не ровен час, Джулиан Беккет с его-то везением, попадёт в автокатастрофу по пути, и я застряну здесь навсегда, так и не выполнив свою миссию.

Эти опасения подстёгивают меня всунуть ноги в дурацкие классические ботинки, натянуть чёрный костюм и пальто и спуститься в гараж.

Дворецкий тут как тут – как я уже успел заметить, этот настырный старый хрен всюду следует по пятам за своим господином, и разве что задницу ему не подтирает. Не исключая, что они практиковали это с *настоящим* Себастьяном Кроу, но со мной эти штучки не прокатят.

– Вам понадобится водитель, сэр? – спрашивает дворецкий.

– Нет.

Из-за этого типа у меня складывается ощущение, что я угодил не на Землю, а в «Аббатство Даунтон», которое, к слову, – та ещё пытка. Мне доводилось видеть несчастных, приговорённых пересматривать снова и снова, как все сезоны, так и полнометражки.

Ад – ужасное место. Не советую вам туда попадать. Лучше ходите в церковь, переводите старушек через дорогу, снимайте кошек с деревьев и чем там ещё зарабатывают себе путёвку в рай.

Догадываюсь, что в данный момент Себастьян Кроу именно тем и занимается: вникает в запутанные отношения семьи графа Грэнтема.

Не спрашивайте, откуда я об этом знаю.

Про графа, а не про Себастьяна. По правде, мне плевать на него, хоть и стоило бы испытывать что-то сродни благодарности. Благодарность? Не смешите. Вообще-то, я – демон.

И всё же:

Спасибо тебе, Себастьян, что продал душу.

Обращайся, Белтарион!

– Не забудьте взять с собой зонт, сэр, – напутствует меня дворецкий, видимо, утомившись ждать, пока я переберу в памяти все ключевые события британской костюмированной драмы.

Я слишком долго смотрел в одну точку перед собой.

– Ага, – откликаюсь я, едва сдержавшись от какого-нибудь глумливого приказа напоследок. Например, перебрать горох (или постоять на нём?), переодеть всю прислугу в клоунские костюмы или снять со стен барочные картины и заменить их репродукциями Отто Дикса.

Впрочем, к чему мелочиться?

Пусть этот услужливый дед сгоняет в Дрезден и привезёт мне парочку оригиналов.

Не сомневаюсь, что Себастьяну это по карману.

По правде говоря, мне не очень-то нравится Отто Дикс, но полагается уважать его по долгу службы. Если уж на то пошло, я предпочёл бы Давида Каспара Фридриха, ведь на Земле никто не осудит меня за меланхолические настроения и пристрастие к немецкому романтизму.

Короче, я ищу плюсы от пребывания здесь. И в дороге включаю Вагнера, пока «тесла» Себастьяна Кроу, вернее, уже моя, несётся сквозь пелену дождя в направлении задрипанного Эшвордского колледжа.

Как бы ни было велико искушение выжать из этой малышки всё, я не тороплюсь, а выискиваю машину Джулиана, торчащую задницей из кювета. Следов недавней автокатастрофы нигде не наблюдается, но какая-то дурацкая тачка всё-таки маячит возле шоссе. Припомнив, что мой подопечный – крайне несчастливое существо, я сворачиваю на обочину, порадовавшись, что навязчивый дворецкий всучил мне зонт.

Запотевшее стекло колымаги опускается, являя мне... существо, сошедшее не с полотен немецких экспрессионистов, а с шизоидных картин Маргарет Кин. Я не сразу понимаю, что такими непропорциональными глаза выглядят из-за громоздких очков.

Создание враждебно взирает на меня из-под капюшона и, несомненно, не является Джулианом Беннетом.

Я видел его фотографии и внимательно изучил всю доступную информацию в интернете.

– Да, я забыла заправиться, – зачем-то сообщает мне существо и выставляет палец вверх.

– Опережая ваш вопрос!

– Я не собирался об этом спрашивать, – говорю я. Вообще-то, я и разговаривать с этим чучелом не собирался, но вынужден отыгрывать Себастьяна Кроу, а филантропы-миллиардеры не посылают к чёрту незнакомцев, прежде чем те откроют рот.

После – возможно.

– Тогда что? – огромные глаза превращаются в две злобные щёлки. – Помощь предложить?

«Только не это!» – мысленно сокрушаюсь я.

– Ага, – подтверждаю я. – Должно быть, вас нужно куда-то подвезти?

Существо издаёт нечленораздельный звук, до боли напоминающий мне стенания грешников.

Ах, какая улада для ушей!

Сердце омывается тёплым чувством ностальгии.

– Да, – с явной неохотой признаёт существо, – до ближайшей заправки, если это вас не затруднит.

«Затруднит», – думаю я.

– Без проблем, – говорю вслух.

Создание закрывает окно и возится в салоне. Я отступаю, чтобы оно могло выбраться из своего богомерзкого дома на колёсах. Оно оказывается совсем крошечным, но это не мешает ему распространять вокруг флюиды кипучей агрессии. Они лишь усиливаются по мере приближения к «тесле». И пусть из-за подселения в человеческую оболочку я лишился почти всех своих сил, я по-прежнему улавливаю эмоции.

Эмоции этого создания (ладно, женщины) – доставляют мне истинное наслаждение:

Зависть. Злость. Страх.

От такого коктейля идёт кругом голова!

Смертная забирается на заднее сидение, подальше от меня. Я ловлю её взгляд в зеркале на лобовом стекле.

– Если вы надумаете причинить мне вред, у меня есть перцовый баллончик! – заявляет она.

Я прячу улыбку в воротнике пальто. Какая прелесть! Если бы я надумал причинить ей вред, меня не остановил бы перцовый баллончик. Ей крупно повезло, что у меня больше нет ни острых когтей, вспарывающих грудные клетки, как бумажные китайские фонарики, ни смертоносных клыков...

Изнеженные ручонки Себастьяна Кроу с мужским маникюром никуда не годятся, как и зубы, в которые вложено целое состояние.

– И в мыслях не было, – заверяю я.

Чтобы намекнуть своей попутнице, что я не настроен вести с ней беседы, я включаю музыку. По салону разливаются звуки «Золота Рейна». Смертная отворачивается к окну, прикидываясь, что ей очень интересен пейзаж, размытый дождём.

Но теперь её саму так и разрывает от желания завязать разговор.

Спасибо, что она позволяет мне хотя бы дослушать интермедию «Спуск в Нибельхейм и ковка кольца» и не лезет. Очень мило с её стороны.

– А «Рождение трагедии из духа музыки» у вас тут где-нибудь не завалялось? – спрашивает смертная.

Она могла задать три тысячи разных вопросов, но задала этот.

Нужно ли говорить, что я впечатлён?

– Нет, – откликаюсь я, – но в бардачке есть «Моя борьба». Хотите скоротать время в дороге?

– Нет, спасибо, – говорит она и улыбается.

И в её улыбке есть что-то дьявольское.

5. Джулиан.

Мне пора зарубить себе на носу: от женщин одни беды.

Ванесса пятнадцать лет вила из меня верёвки, а до того превратила мои школьные годы в *ад*. Это, конечно, сильное преувеличение, ведь у первой красавицы школы и капитана команды чарлидерш хватало забот, кроме издевательств над каким-то тихим ботаником. Скажем так: хватало других кандидатур

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.